

УДК 821.221.18

Канд. филол. наук, научн. сотр. *Дзапарова Е. Б.*
Северо-Осетинский институт
гуманитарных и социальных исследований
им. В.И. Абаева Владикавказского научного центра РАН
и Правительства РСО-Алания,
г. Владикавказ

ПРОБЛЕМА АДЕКВАТНОСТИ АВТОРСКОГО ПЕРЕВОДА В ОСЕТИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В данной статье рассмотрена проблема интерлингвальности авторского перевода в осетинской литературе, прослеживается адекватная передача в авторском переводе национально-культурной специфики и прагматики исходных текстов. На основе сравнительно-сопоставительного анализа разноязычных текстов автор статьи приходит к выводу о том, что адекватность авторского перевода зависит не только от знания переводчиком двух языков, культур, но и от его умения переключиться от одной языковой системы в другую, от творческого подхода к переводу.

Одной из форм художественного билингвизма в литературе является авторский перевод. В отличие от писателей, пишущих и создающих равноценные произведения на двух языках, самопереводчики стремятся на основе написанного им произведения создать «новое», но уже в другой культурной среде.

Авторский перевод для переводчика представляет особую трудность, т.к. «разрушает в сознании двуязычного человека надежные перегородки между языками, оберегающие психику пишущего... мешает двуязычному человеку переводить, поскольку нарушается языковое равновесие» [1, с. 238].

Концепция авторского перевода, в отличие от неавторского, заключается в том, что автор в своей переводческой деятельности не скован «никакими чисто переводческими предпосылками, он волен переосмысливать и переделывать текст в любом отношении и в любой степени, менять композицию, образы и средства

выражения» [2, с. 174]. Не удивительно, что многие практики самоперевода получали в результате новое произведение. С другой стороны, переводчик-биллинг видит все тонкости оригинала, прекрасно «чувствует» язык, что позволяет ему создать безупречный аналог, достаточно равноценный подлиннику.

Можно назвать несколько причин, по которым писатель прибегает к переводу собственных произведений. Во-первых, он не всегда удовлетворен качеством переводов своих произведений другими переводчиками. Во-вторых, автор оригинального текста стремится внести новую, дополнительную информацию в текст перевода. Однако не всегда эти дополнения уместны. Иногда они настолько изменяют текст, что узнать в нем подлинник невозможно. Известный осетинский писатель и критик, теоретик и практик художественного перевода Т. Бесаев вовсе исключал саму возможность самопереводов: «Когда автор переводит, он неизбежно пишет заново, заново переживает ситуацию и судьбы героев, заново входит в то творческое настроение, в ту, если угодно, психологическую ситуацию, как и при создании оригинального произведения. Но можно ли точно воспроизвести эту ситуацию? Можно ли дважды войти в одну и ту же реку? Не уверен» [3, д. 28, л. 21]. Конечно, можно согласиться с точкой зрения Т. Бесаева. Автор произведения, создавая его «копию» на другом языке, должен еще раз переосмыслить идею, образы героев, пережить с ними определенные события, и передать те эмоции, которые уже однажды переживал.

Ю. Л. Оболенская, рассуждая об авторских переводах писателей-биллингов, высказывает следующее мнение: «Перевод (имеется в виду авторский – Д. Е.) отражает столкновение и борьбу не только двух культурных и языковых традиций, но и двух противоположных тенденций: стремление сохранить особенности оригинала и при этом не нарушить законы и нормы родного языка. Кроме того, в процессе перевода происходит взаимодействие двух *идиолектов* – идиолекта автора и идиолекта переводчика, – которое было бы неверно сводить к неосознанной (или механической) подмене одного идиолекта национального языка (языка оригинала) другим, переводческим» [4, с. 134].

У автора, намеривающегося переводить самого себя, уровень знания двух языков должен быть равноценен. Недооценка меж-

культурных различий может привести к искажению не только оригинала, но и перевода. С точки зрения В. В. Сдобникова и О. В. Петровой, адекватность авторского перевода зависит не столько от уровня знания самопереводчиком переводящего языка, сколько от «способности переключиться на систему образов, на менталитет представителей иной культуры» [5, с. 402]. Несомненно, самоперевод – колоссальный труд, требующий ответственного подхода, эрудиции, языкового чутья, знания быта и культуры обоих народов. И только совокупность этих качеств даст «новый оригинал».

Авторский перевод является малоизученной проблемой в современной науке о переводе. Объясняется это, прежде всего, тем, что редки случаи существования в литературе авторских переводов. В то же время сопоставительное изучение текстов автоперевода представляется чрезвычайно ценным и перспективным направлением в переводоведении.

За последние несколько лет отечественное литературоведение обогатилось рядом работ по филологическому анализу авторских художественных переводов. Преимущественно они касаются автопереводов В. Набокова и И. Бродского. К столь ответственному делу сам В. Набоков относился скептически: «Ужасная вещь – переводить самого себя, перебирая собственные внутренности и примеривая их, как перчатку, и чувствуя в лучшем словаре не друга, а вражеский стан» [6, с. 125]. В таком случае возникает вопрос: зачем автор прибегал к переводу собственных произведений? Видимо, по той же причине – не доверял. Противоположной точки зрения придерживался И. Бродский. Писатель в процессе перевода собственных произведений становился конгениальным автору, т.е. самому себе [7, с. 112]. И только в этом случае, по строгому убеждению И. Бродского, можно добиться адекватности автоперевода.

В осетинской литературе традиция билингвизма не нова. Еще в XIX веке некоторые национальные писатели выступили с русскоязычными произведениями (И. Кануков, Г. Цаголов, Б. Туганов). В творчестве основоположника осетинской литературы К. Хетагурова мы впервые видим черты чистого билингвизма. Автор одни произведения создавал на родном языке (осетинском), другие – на русском. При этом, прекрасно владея двумя

языками, К. Хетагуров никогда не переводил сам себя и доверял столь ответственный труд профессиональным переводчикам.

К созданию художественных переводов собственных произведений осетинские авторы приступили лишь в середине XX века. Родоначальниками в этом деле были С. Бритаев и Т. Бесаев. Они первые стали переводить свои рассказы с осетинского на русский язык. Позднее к самопереводу, но уже в более крупном литературном жанре, обратились К. Дзесов¹, Т. Джатиев², Г. Хугаев³, Н. Джусойты⁴, М. Басиев⁵, С. Марзойты⁶, М. Цагараев⁷.

Как в теории, так и практике художественного перевода нет однозначного ответа на вопрос: какой вид перевода лучше – авторский или традиционный? Естественно, тот, который наиболее адекватен оригиналу, тот, который передает не только содержание, форму исходного текста, а его национальную специфику, колорит, дух. В адекватной передаче этих компонентов подлинника первостепенная роль принадлежит переводчику, его таланту и умению находить аналоги и эквиваленты. В данной статье мы попытаемся проследить степень адекватной передачи в авторском переводе особенностей подлинника.

Материалом для нашего исследования послужили оригиналы и автопереводы повестей Н. Г. Джусойты «Адаёймаджы маелæт»

¹ *Дзесов К.* Хозяйка птичьего царства. Повесть. Перевод с осетинского автора. М.: Детгиз, 1967. 125 с.

² *Джатиев Т.* Кем ты будешь, лаппу? Повесть о Коста Хетагурове. Пер. с осет. автора // Хетагуров К. Стихотворения, поэмы. Пер. с осет. М.: Дет. лит., 1980. С. 5-144; Джатиев Т. Мои седые кудри. Повесть. Перевод автора // Джатиев Т. Сабельный звон: Роман, повести. Пер. с осет. – М.: Советский писатель, 1986. С. 401-520.

³ *Хугаев Г.* Богатый дом: Пьесы. Пер. с осет. автора. М.: Советский писатель, 1989. 448 с.

⁴ *Джусойты Н. Г.* Реки вспять не текут. Повести. Пер. с осет. яз. автора. М.: Советский писатель, 1981. 397 с.

⁵ *Басиев М.* Полномочные посланцы. Повесть. Перевод автора // Антология осетинской прозы. Орджоникидзе: Ир, 1983. С.344-362.

⁶ *Марзойты С.* Урсдонская быль. Роман. Перевод автора // Антология осетинской прозы. Орджоникидзе: Ир, 1983. С.413-450.

⁷ *Цагараев М.* Наследница. Перевод автора // Цагараев М. Наследница. Повести, рассказы. Перевод с осетинского. М.: Советский писатель, 1983. С. 138-213.

[8] («Возвращение Урузмага» [9]) и Т. И. Джатиева «Мае урс дадалитае» [10] («Мои седые кудри» [11]). Сличение текстов позволит выявить адекватность передачи переводчиками национально-культурной специфики, семантики и прагматики исходных текстов.

Н. Г. Джусойты известен не только как блестящий писатель, исследователь истории осетинской литературы, но и как специалист по художественному переводу. Не только практик, но и теоретик в области художественного перевода Н. Джусойты большинство своих произведений переводил сам. На примере автоперевода повести «Адаймаджи маелат» («Возвращение Урузмага») проследим его переводческую концепцию.

В своем произведении Н. Г. Джусойты размышляет о смысле жизни, о сущности человека и его месте на земле. Основной драматизм повествования связан с уходом главного героя Урузмага в мир иной. Новость о неизлечимой болезни застала его в больнице, и «назначенные» ему врачами два месяца он хочет прожить с пользой. С этими мыслями он возвращается в родное село. Все дела и поступки Урузмага являются показателями высокой морали, морали истинного горца.

Принцип адекватности Н. Г. Джусойты нарушен в заглавии повести. Оригинал – «Адаймаджи маелат», перевод – «Возвращение Урузмага» (семантическая аналогия – «Смерть человека»). Интерпретация прямого номинативного значения нарушена в связи со стремлением самопереводчика внести особый смысл в заглавие перевода. В произведении тема смерти является стержневой. Переводом заглавия на русский язык как «Возвращение Урузмага» Н. Джусойты, видимо, еще раз хотел подчеркнуть, что такие люди, как Урузмаг, не умирают, а возвращаются и живут среди нас вечно.

Логически произведение Н. Джусойты можно разделить на четыре части: больница, дорога домой, помощь Урузмага родственникам и односельчанам, уход Урузмага. Каждая из этих частей символизирует определенный этап в жизни главного героя. Повесть начинается со сна главного героя в больнице. Сон Урузмага уносит его в мир детства. Ему снится родное пастбище, его овцы и он – юный пастух. Автор изображает горный пейзаж, адекватное прочтение которого мы видим и в переводе. Картины

природы в переводе так же образны, ярки, привлекательны. Постепенно светлые картины природы во сне сменяются темными красками. На пастбище появляются волки (в переводе – чудовище), грозящие его овцам. «*Кæсы æмæ къуыбырыл рабадтысты æртæ бирæгъы, сау-сауид, галыйæстæ, сæ дзыхтаæ – хæлиу æмæ сырх-сырхид, бинаг дæндагты тæлм бирæгъы комы урс цæфхады хуызæнæй зыны*» [8, с. 63]. Этот отрывок передает тяжелое и душевное напряжение героя во сне, его смятение, после чего он просыпается. Джусойты в переводе находит адекватные в эмоциональном отношении лексические средства для передачи внутреннего состояния Урузмага: «*И видит, из-за скалы смотрит на него какое-то чудовище. Большое, черное, безобразное, как раздувшаяся буйволиная туша. И видна пасть. Не голова, а только пасть – красные десны, а между ними широкая, мутно-белая полоса зубов полукругом-подковой...*» [9, с. 5-6]. Перевод, как и оригинал, в одинаковой эмоциональной тональности передает душевные переживания Урузмага. Этот сон предшествовал новости о неизлечимой болезни героя.

Большого мужества требовало от Урузмага знание близкой смерти. Не случайно в повести Н. Джусойты приводится притча о людях, узнавших от Уастырджи⁸ о своем смертном часе. Надо сказать, в оригинале есть только упоминание об этой притче, в переводе же она приводится полностью. Переводчик дополняет переводной текст новой информацией.

«*Маæ хъуыддагтаем æркæсон!*» («Присмотрюсь к своим делам») – под таким девизом живет Урузмаг последние два месяца жизни. С этими мыслями он возвращается в родное село. Во второй части повести – «*Уырызмæджы фæстаг балц*» (в переводе

⁸ Уастырджи – в осетинской мифологии самое почитаемое божество, покровитель мужчин, путников и воинов. В религиозно-мифологическом сознании осетинского народа он занимает почетное место. К нему в молитвах люди обращаются за помощью. Ни одно осетинское застолье не обходится без обращения к Уастырджи. Особое место Уастырджи (или, как его еще называют, «*лæгты дзуар*» («покровитель мужчин»)) занимает в фольклоре. Он является одним из самых популярных персонажей легенд, сказаний, преданий осетин. В нартском эпосе Уастырджи является небожителем, отцом покровительницы нартов Сатаны. Ежегодно в ноябре осетины широко отмечают праздник Уастырджи.

части не озаглавлены) – описывается дорога главного героя из больницы домой. Какой длинной она показалась ему! Перед Урузмагом проходит вся его жизнь. Он вспоминает детство и юность: «*Диссаг у, аввæдза, лæгвæндаг дæр, цардвæндаг дæр... Авдæнæй – мады хъæбысмæ, мады хъæбысæй – артдзæстмæ, артдзæстæй – къæсæрмæ, стæй уæд уæзæгмæ, хъæууынгмæ...*» [8, с. 80-81]. В переводе этот абзац генерализирован, но сложные переживания героя, его мысли о жизни и ее скоротечности нашли отражение в отрывке перевода. Жизнь на земле не прекратится, уверен Урузмаг, и после его ухода. В этом заключается и основная мысль автора.

Большую часть повести составляют дела Урузмага, его помощь родным, близким, односельчанам, которые даже не догадываются о его болезни. Понимая неизбежность своей смерти, Урузмаг хочет прожить свои «два месяца», созидая. Он стремится помочь своему старому соседу Тоде с ремонтом мельницы, вдове Гассион чинить хлев, двоюродному брату Уасилу со свадьбой сына. В какой-то момент он забывает и о болезни. Урузмаг включается в созидательный труд. Есть в данной части текста отрывки, интересные для характеристики интерпретации переводчиком этих мест. Так, небольшое содержательное расхождение с оригиналом мы наблюдаем в переводе фрагмента приезда младшего сына Урузмага из города в село к отцу. В оригинале, в отличие от перевода, отсутствует эпизод с радио, нет размышлений отца и сына о молодом поколении. Расходится сюжетная линия и в эпизоде продажи коня Урузмага. В оригинале Урузмаг отдает коня Тоде до свадьбы сына Уасила, в переводе – после.

Четвертая часть произведения, безусловно, самая трагическая, самая напряженная. Уход Урузмага в мир иной по накалу страстей занимает в осетинской литературе едва ли не первое место. И поэтому перед Джусойты-переводчиком стояла задача – суметь добиться у русского читателя адекватного восприятия описываемых здесь событий. Этого, безусловно, достигает своим мастерством Н. Джусойты. Перевод этой части близок к оригиналу по описываемым здесь внутренним переживаниям. В ней лишь отсутствуют заключительные строчки повести: рассуждения автора и цитаты о смысле жизни, о месте человека на земле, о судьбе каждого человека.

Не менее актуальные проблемы затрагивает в своей повести Т. И. Джатиев. Цикл новелл, объединенных автором в повесть «Маэ урс дадалитæ» [10], охватывает период с начала XX в. вплоть до разгрома фашистских оккупантов и восстановления народного хозяйства на селе. Воспоминания главной героини Назират о своей нелегкой судьбе легли в основу повести. Автоперевод сохранил особую манеру повествования, но в целом переводной текст отмечается средней степенью адекватности. Укажем на некоторые расхождения в сопоставимых текстах. Например, мы не увидим в переводе многих сюжетных линий, в некоторых новеллах меняется место действия (Ногкау – Беслан), расходятся и количество глав (в оригинале 13 глав, в переводе – 16). Автопереводчик дописывает отдельные моменты повести (описание осетинской свадьбы; в оригинале вскользь упоминается о смерти Ленина, в переводе этому событию посвящены 2 главы) и, наоборот, игнорирует в переводе предисловие. Не всегда адекватно переданы и названия глав. Местами в переводе Т. И. Джатиев смешивает ход событий, сдвигает сюжетные линии. Но, несмотря на эти расхождения, текст перевода легко читается и воспринимается.

Неотъемлемой частью процесса художественного перевода является передача образности оригинала. Речь идет о переводе фразеологизмов, поговорок и пословиц. Здесь необходимо не просто подыскать эквиваленты и аналоги переводам, а достичь образности путем адекватной замены. Для этого переводчик в словаре переводящего языка обязан подыскать равнозначные устойчивые словесные выражения.

Передача фразеологизмов, пословиц и поговорок в автопереводке облегчается тем, что переводчик легко распознает их в тексте и раскрывает значения. Но остается проблема подыскать адекватные языковые средства, что далеко не просто. Проследим, как преодолевали эти трудности Н. Г. Джусойты и Т. И. Джатиев. В повести Н. Г. Джусойты встречается немало фразеологизмов с ярко выраженной национальной спецификой. Для их перевода писатель использовал различные приемы.

1. Фразеологизм исходного текста переводил равнозначным фразеологизмом: «*йæхи сагъæсты аныгъуылд*» – «*ушел в себя*»,

«адзал 'рцыд» – «пришел смертный час», «ме 'муд куы 'рцыд» – «пришел в себя» и т.д.

2. За отсутствием эквивалентов и аналогов Джусойты передает в максимально ясной, краткой форме содержание фразеологической единицы (ФЕ): «гадыныхæстæ кæндзæн» – «будет врать», «мæрды рох мыл бафтыд» – «забыл», «нал ахсы хуыссæг» – «не спится», «цæсгом нал хъæцы» – «стыдно».

3. Не находя в переводящем языке полного или частичного соответствия переводимой ФЕ, переводчик вынужден прибегать к ее толкованию: «фыццаг ам чи рцард æмæ дзы йæ дæндаг чи рафтыдта» – «кто жил здесь от рождения до смерти», «уый ма сæрцахстой Уырызмæджы хъустæ» – «это было последнее, что услышал Урузмаг».

4. Если не находил аналога или буквальный перевод был невозможен, просто опускал фразеологизм подлинника. Так, не представлены в русскоязычном тексте следующие ФЕ: «ныфсытæ сæвæрын», «сагъæс кæнын», «фæндиаг кæнын», «уым ахицæн йæ хабар», «дæ хъус сæм цæуылна фæдардтай», «йæ зæрдæйы тыппыртæ куы суагъта», «чызджытæй алчи дæр йæхи хæдзары 'рдæм ивазы» и т.д.

Богато представлены фразеологизмы в повести Т. И. Джатиева. Для их передачи автор перевода не всегда находил адекватную замену: «мæ зæрдæ куы ныддур, мæ фæрстæ куы фæтоньнц» – «свет сойдется клином». Чаще всего Т. Джатиев в переводе просто опускал фразеологическую единицу. Так, мы не увидим в переводе следующих ФЕ оригинала: «туджджыны цæстæй йæм касы», «сæ цæстытæ нал истой», «зæрдæ нæ куымдта», «йæ тъæнгтæ кæмæн ацагъта», «мæхицæн ныфсытæ сæвæрдтон», «цæстыныкъуылдмæ», «ме 'муд сæрцыд», «асаст йæ хъару», «мæ зæрдæ асаст» и т.д. И наоборот, в автопереводе для передачи смысла оригинала активно использует русские фразеологизмы: «наговорили семь верст до небес», «с первыми петухами», «смогут языками чесать», «идти с сумой по миру», «не ради красного словца», «жить душа в душу», «гнуть до седьмого пота», «и в ус бы не дули», «задам я вам перцу» и т.д.

К деталям, передающим национальный колорит произведения, относятся паремии. Они представляют особую трудность для

переводчика не только своей формой, но и тем, что обладают ярко коннотативным и обобщенно-переносным значением.

Для передачи поговорок и пословиц в русскоязычном тексте самопереводчик Н. Джусойты использовал следующие приемы:

1. Находит в переводящем языке самостоятельный эквивалент, аналог с близкой образностью: «*æдылы лаг фыдаæбонæй дарддæр цы кæны йæхицæн*» – «*глупая голова и себе и другим покоя не дает*»; «*раджы бадаг æвæсмоны зарæг кæнаг*» – «*кто рано встает, добро находит*»; «*кæрцæй хæдон – хæстæгдæр*» – «*рубаха к телу ближе, чем шуба*»;

2. Паремии, не имеющие близкие образные параллели в переводящем языке, передает дословно: «*куыдзы кой ракæн æмæ лæдзæг дæ къухмæ райс*» – «*помянул собаку – возьми палку в руку*»; «*зæронд бирæгъ дыгæйттæ хæссы*» – «*старый волк в одной пасти двух овец тащит*»; «*хойы зæрдæ æфсымæрма, æфсымæры зæрдæ та хъæдмæ*» – «*сестрино сердце к брату стремится, а братино – в лес норовит*»; «*ды кæд рувас дæ, æз – дæ къæдзил*» – «*если ты лиса, то я твой хвост*»; «*карды комыл оффытæй нал у*» – «*под ножом кровника мольба – не спасение*». Такая интерпретация паремий позволила переводчику сохранить не только содержание, но и колорит, который был бы утрачен при другом приеме перевода.

Для передачи поговорок и пословиц оригинала в автопереводе Т. Джатиев также использовал дословный перевод. Например: «*мæгуырыл, дам, дур хæрдмæ тулы*» – «*на бедного, говорят, и падающий камень вверх катится*»; «*мæлдзыгæн йе 'сæфт куы 'рцæуы, базыртæ йыл уæд базайы*» – «*говорят, когда муравей погибает, у него крылья вырастают*»; «*куыдз, дам, къуылыхæй нæ малы*» – «*от хромоты собака не подыхает*». Не находя в переводящем языке взаимозаменяемых паремий оригинала, просто опускал их. Так, не представлены в переводе следующие единицы: «*тагъд дон фурды не 'ййафы*», «*æргом дзырды къæм нæй*», «*сылгоймагæн йæ дзыкку даргъ у, йæ зонд цыбыр*», «*мæсыг хи дурсæй хæлы*», «*бас, дам, кæй басудзы, уый доныл дæр фу кæны*». Иногда для передачи смысла подлинника использовал русские поговорки: «*голь на выдумки горазда*», «*на людской роток не накинешь платок*», «*куда иголка, туда и нитка*». Как видим, Джатиев опускал идиомы с ярко выраженной националь-

ной окраской и старался приблизить перевод к новой, принимающей культуре.

Сравнительно-сопоставительный анализ разноязычных текстов показал: блестящее знание двух языков не гарантирует адекватности автопереводов. Каждый из переводчиков индивидуально подходил к переводу «своего» текста. Джусойты старался сохранить в автопереводе не только содержание, но и образность, колорит исходного текста. Джатиев своей главной задачей считал донести основную мысль переводимого текста, забывая о «мелочах», которые не менее важны в целостной структуре произведения. Тем не менее адекватный автоперевод существует и зависит от творческого подхода самого переводчика.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Носик Б.* Набоков-переводчик и переводчики Набокова // Иностранная литература. 1993. № 11. С. 238–242.
2. *Влахов С., Флорин С.* Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения, 1980. 342 с.
3. *Бесаев Т.* Статьи и черновые наброски по вопросу об авторском переводе // НА СОИГСИ. Отдел «Литературоведение». Ф. 58. Оп. 1.
4. *Оболенская Ю. Л.* Художественный перевод и межкультурная коммуникация. Изд-е 3-е, испр. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 264 с.
5. *Сдобников В. В., Петрова О. В.* Теория перевода. М. Владимир: Восток-Запад; ВКТ, 2008. 444 с.
6. *Носик Б. М.* Мир и дар Владимира Набокова: первая русская биография. М.: Пенаты, 1995. 549 с.
7. *Разумовская В. А.* Русскоязычный и англоязычный И. Бродский: проблемы поэтического перевода и автоперевода // Русский язык и литература во времени и пространстве: материалы XII конгресса Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы / под ред. Л. А. Вербицкой, Лю Лиминя, Е. Е. Юркова. Шанхай, 2011. Т. 4. С. 110–115.
8. Нафи. Адæймаджы мæлæт. Уацау // Нафи. Адæймаджы мæлæт (Уацаутæ). Цхинвал: Ирыстон, 1976. Ф. 61–181.
9. *Джусойты Н. Г.* Возвращение Урузмага. Повесть // Джусойты Н. Г. Реки вспать не текут. Повести. С осетинского перевел автор. М.: Советский писатель, 1981. С. 3–139.
10. *Дзадтиаты Т.* Мæ урс дадалитæ. Назирагты радзырдтæ. Орджоникидзе, 1965. 181 ф.
11. *Джатиев Т. И.* Мои седые кудри. Повесть. Перевод автора // Джатиев Т. Мои седые кудри. Повести. Перевод с осетинского. М.: Советский писатель, 1972. С. 199–359.